

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Адамов, Н. П. Турова

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОТЧЕВАШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ГОРОДИЩА ДОЛГОВСКОЕ 1

Круг источников по средневековой археологии южно-таежной зоны Западной Сибири остается по-прежнему недостаточным для всестороннего изучения материальной культуры населения второй половины I тыс. н. э. Особенно немногочисленны источники по изучению погребального обряда племен потчевашской культуры, к которой относятся всего три могильника (без учета могильников с сильным тюркским влиянием). При исследованиях на городище Долговское 1 получены материалы, позволяющие расширить наши представления о погребальном обряде потчевашцев.

Городище Долговское 1 расположено в Вагайском районе Тюменской области на правом берегу р. Иртыш, напротив устья р. Вагай, и в течение ряда полевых сезонов исследовалось А. А. Адамовым. В результате работ выяснилось, что городище двухслойное. Верхний слой относится к монгольскому времени (1), а нижний - к потчевашской культуре и датируется не позже IX в. Здесь вскрыт котлован одного наполовину обрушившегося и одного исследованного полностью жилища. В полностью исследованном жилище №2 обнаружены два погребения (рис. 1).

Погребение 1 (рис. 1, 1). Представляет собой могильную яму овальной формы и размером 0,94 x 0,48 м, углубленную в материковые нары до 0,1 м. Погребение располагалось вдоль ЮВ стенки жилища и ориентировано по линии ССВ - ЮЮЗ. Похороненный ребенок лежал на спине вытянуто головой на ССВ. Однако, остатки костей (большая часть костей отсутствовала) находились не в анатомическом порядке. Раздавленный череп располагался в области грудной клетки, частично перекрывая кости правой (?) руки. Не на своих местах лежали и кости ног. В тоже время погребение было не ограбленным и не потревоженным грызунами, так как в этой могиле абсолютно не потревоженными находились развалы двух сосудов. Один глиняный сосуд (рис. 2, 2) стоял вверх дном в области ног, с правой стороны от погребенного. Вторым (рис. 2, 1) был поставлен вверх венчиком в ЮЗ конце могилы.

Погребение 2 (рис. 1, 2). Останки пяти погребенных располагались в ССЗ углу жилища на уровне материковых нар (- 40 см от уровня материка за пределами жилища). Погребенные были уложены в один

ряд и ориентированы головой на ССВ.

Костяк А. Костяк не потревожен, сохранился почти полностью. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, кости рук скрещены в области таза, череп слегка повернут направо. Под коленными суставами находилась яма, засыпанная к моменту погребения рыхлой землей. В дальнейшем, при уплотнении грунта, кости ног, в области колен, несколько просели. Чуть выше головки левой бедренной кости находилось железное тесло.

Костяк Б. С правой стороны костяка А обнаружены раздавленный череп, мелкие остатки ребер и позвонков от захоронения ребенка. С погребенным находок не обнаружено.

Костяк В. Погребенный был уложен на спину в вытянутом положении головой на СВВ. Отсутствовали многие ребра и позвонки, отсутствовали и левые берцовые кости (срезаны поздней ямой), косточки обеих кистей и стоп. Не на своих местах лежали кости рук, бедренные кости и правая берцовая. Череп отсутствовал. С костяком находок не обнаружено.

Костяк Г. Обнаружен прекрасно сохранившийся череп с нижней челюстью, лежавший на левом боку. Из других костей сохранились только две бедренные и две берцовые кости, лежащие не в анатомическом порядке. Находок с костяком не обнаружено.

Костяк Д. Погребенный представлен только левой тазовой костью, бедренными костями, левой берцовой, а также костями левой руки, очень плохой сохранности. Судя по останкам, погребенный лежал на спине, вытянуто головой на СВВ. Находок с костяком не обнаружено.

Погребение 1, по найденным в нем сосудам, безусловно, относится к потчевашской культуре. О полной идентичности обнаруженных в погребении сосудов и керамики из культурного слоя городища говорит форма сосудов, элементы орнамента, представленные ямочными вдавлениями, горизонтальными каннелюрами, оттисками гребенчатого штампа и гладкой палочки, полулунного штампа. Аналогичны и мотивы орнаментации - ряд ямочных вдавлений по венчику, горизонтальная елочка, горизонтальные ряды из наклонных оттисков штампа, треугольные фестоны из оттисков полулунного штампа.

Несмотря на почти полное отсутствие в погребении 2 инвентаря, можно с уверенностью констатировать, что и оно одновременно погребению 1. За это говорит намеренное размещение двух погребений по разным сторонам одного жилища и совпадающая ориентация погребенных. Об одновременности погребений свидетельствует и наличие вторичного обряда погребения в обоих захоронениях. Найденное с костяком А железное тесло аналогично теслам, распространенным в потчевашской культуре (2).

Расположение погребенных в жилище, причем погребенных

(погребение 2), уложенных на материковые нары, позволяет сделать вывод, что покойники были захоронены непосредственно перед тем, как население покинуло городище. Косвенно об этом свидетельствует и развал практически целого сосуда, найденного на полу жилища № 1 (рис. 3). Сосуд украшен по единому орнаментальному шаблону, что и один из сосудов из погребения 1. На многие тысячи фрагментов керамики, обнаруженные на городище, этот сосуд единственный, лежавший единым развалом, что говорит о том, что он был оставлен на полу жилища перед тем, как население покинуло городище и поэтому его обломки не были в процессе жизнедеятельности рассеяны по широкой площади памятника.

Основные черты погребального обряда потчевашского населения, проживавшего на городище Долговское 1, следующие. Основная часть погребенных захоронена по вторичному обряду погребения. Это относится, без сомнения, к детскому погребению 1, не потревоженному, но с нарушенным положением всех основных костей. Судя по всему, по вторичному обряду погребения похоронены и костяки В и Г из погребения 2. В тоже время костяк А из погребения 2 захоронен по обряду труположения сразу же после смерти. Об обряде погребения остальных захороненных судить сложно из-за сильной фрагментированности костяков. Погребенных укладывали, или старались уложить, вытянуто на спине головой на СВВ. В одном случае (погребение 2, костяк Г), судя по всему, старались сымитировать положение погребенного на левом боку, но при этом бедренные кости были положены параллельно друг другу, но головками в разные стороны.

При рассмотрении археологически фиксируемых элементов погребальной обрядности потчевашского населения городища Долговское 1, обращает на себя внимание их большое разнообразие в пределах этого одновременного погребального комплекса. Мы видим, что даже в рамках одной культурной, мировоззренческой традиции может наблюдаться значительная вариативность погребального ритуала.

При попытке сравнения погребений городища Долговское 1 с погребениями других некрополей потчевашской культуры - Лихачевского могильника, Окунево 3 и Сопки 2 (3, 4, 5), мы сталкиваемся с увеличением количества вариаций, рассматриваемого нами обряда: это и кремация на стороне с последующим захоронением останков в могиле, и частичная кремация в могиле, наличие внутримогильных рам из бревен и плах. Поэтому, при такой высокой вариативности погребальной обрядности у потчевашского населения, сравнение можно проводить лишь по отдельным элементам.

Итак, сходство можно отметить в следующем: погребенные укладывались, как на спину вытянуто, так и на бок, преобладание северной (с некоторыми отклонениями) ориентировки погребенных головой. В то же время наблюдаются и определенные отличия, как-то:

(погребение 2), уложенных на материковые нары, позволяет сделать вывод, что покойники были захоронены непосредственно перед тем, как население покинуло городище. Косвенно об этом свидетельствует и развал практически целого сосуда, найденного на полу жилища № 1 (рис. 3). Сосуд украшен по единому орнаментальному шаблону, что и один из сосудов из погребения 1. На многие тысячи фрагментов керамики, обнаруженные на городище, этот сосуд единственный, лежавший единым развалом, что говорит о том, что он был оставлен на полу жилища перед тем, как население покинуло городище и поэтому его обломки не были в процессе жизнедеятельности рассеяны по широкой площади памятника.

Основные черты погребального обряда потчевашского населения, проживавшего на городище Долговское 1, следующие. Основная часть погребенных захоронена по вторичному обряду погребения. Это относится, без сомнения, к детскому погребению 1, не потревоженному, но с нарушенным положением всех основных костей. Судя по всему, по вторичному обряду погребения похоронены и костяки В и Г из погребения 2. В тоже время костяк А из погребения 2 захоронен по обряду труположения сразу же после смерти. Об обряде погребения остальных захороненных судить сложно из за сильной фрагментированности костяков. Погребенных укладывали, или старались уложить, вытянуто на спине головой на СВВ. В одном случае (погребение 2, костяк Г), судя по всему, старались сымитировать положение погребенного на левом боку, но при этом бедренные кости были положены параллельно друг другу, но головками в разные стороны.

При рассмотрении археологически фиксируемых элементов погребальной обрядности потчевашского населения городища Долговское 1, обращает на себя внимание их большое разнообразие в пределах этого одновременного погребального комплекса. Мы видим, что даже в рамках одной культурной, мировоззренческой традиции может наблюдаться значительная вариативность погребального ритуала.

При попытке сравнения погребений городища Долговское 1 с погребениями других некрополей потчевашской культуры - Лихачевского могильника, Окунево 3 и Сопки 2 (3, 4, 5), мы сталкиваемся с увеличением количества вариаций, рассматриваемого нами обряда: это и кремация на стороне с последующим захоронением останков в могиле, и частичная кремация в могиле, наличие внутримогильных рам из бревен и плах. Поэтому, при такой высокой вариативности погребальной обрядности у потчевашского населения, сравнение можно проводить лишь по отдельным элементам.

Итак, сходство можно отметить в следующем: погребенные укладывались, как на спину вытянуто, так и на бок, преобладание северной (с некоторыми отклонениями) ориентировки погребенных головой. В то же время наблюдаются и определенные отличия, как-то:

отсутствие огня в погребальном обряде, наличие вторичных погребений на городище Долговское 1.

Своеобразной чертой данных погребений на городище является их нахождение в одном из его жилищ. Для потчевашской культуры это первый подобный случай. Кулайское захоронение в яме-могиле ребенка встречено в жилище на Саровском городище. Данное погребение было интерпретировано Л. А. Чиндиной как связанное с магическими действиями и бытованием человеческих жертвоприношений (6).

Захоронение в жилище может иметь и другое объяснение (для интерпретации отдельных элементов погребального обряда считаем возможным привлечение материалов по этнографии и фольклору западно-сибирских самодийцев и угров, в среде которых наиболее оправдан поиск параллелей, так как мнения исследователей по вопросу этнической принадлежности кулайской и генетически связанной с ней потчевашской культур не выходят за пределы “угро-самодийской версии”: часть ученых связывает их с угорским этносом, другая часть — с самодийским, а третья признает их сложный угро-самодийский состав).

Отождествление намогильных сооружений с жилищем известно у многих народов Сибири. Намогильное сооружение у обских угров, по конструкции, соответствовало их жилищу. Мировоззренчески оно осмыслялось как дом умершего (это подтверждается и терминологией). Г. И. Грачева возводит соответствие «дом - намогильное сооружение» к древней традиции оставлять мертвого в жилище, которая позже трансформировалась в предоставление умершему намогильного сооружения в качестве замещения настоящего дома. Некоторые авторы отмечали, что манси еще в XIX в. хоронили покойного в жилище, которое затем покидали. Как пережиток подобный обычай зафиксирован у хантов: они оставляли дом, несмотря на то, что умерший был похоронен на кладбище (7).

Впервые для потчевашской культуры можно констатировать наличие вторичных погребений. Вторичные погребения известны уже в мустьерскую эпоху, а в дальнейшем бытовали по всему миру, в том числе и у народов Урала и Сибири, где они достоверно известны, начиная с неолита.

Вторичное (окончательное) захоронение покойника после пребывания некоторое, иногда довольно продолжительное, время трупа на открытом помосте, дереве известны у многих народов Урала, Сибири (8). Детальное описание древнего способа воздушно-древесного захоронения у селькупов дает Г. И. Пелих: труп подвешивали на ремнях к ветвям деревьев, где оно висит около трех лет, пока не высохнет. Все это время душа покойного бродит среди родичей. Затем тело предают земле: выкапывали неглубокую могилу, помещали в нее труп, сверху на перекрытие клали дрова и поджигали (9). У угров, при наземном погребении, тело находилось

в лабазе или на помосте до тех пор, пока не сгнивают покровы или не обрушится вся постройка. После этого кости погребаются (10).

Западносибирская этнография дает нам яркие примеры существования своеобразной системы взглядов, объясняющей подобные способы обращения с умершими. По представлениям хантов и манси, одна из душ (ис-хор - «душа-тень») постоянно находится с человеком и никогда не покидает его. Даже после смерти она не оставляет тело и погибает с его разложением (11). То есть смерть физическая представляет собой лишь начало смерти духовной, продолжительность которой напрямую зависит от «состояния» тела. Именно представления о душе-тени и ее неразрывной связи с телом рождали представления о «живом покойнике» и накладывали отпечаток на похоронную обрядность.

В западносибирских этнографических материалах имеется большое количество примеров, когда элементы погребального обряда имели целью защиту живых от «злокозненных» покойников: это и обряд связывания умерших веревкой, чтобы они не бродили и не беспокоили живущих; и помещение в могилу железных предметов и камней, которых боятся покойники; «закрытие» определенным образом тропы, ведущей с кладбища, чтобы умерший не смог по ней вернуться домой. А также и другие меры, возникшие, например, у обских угров, из представлений о сильном тяготении умерших к родственникам и стремлении «взять» их с собой. Уже умершие люди могут похитить душу живого, тем самым привести его к смерти или болезни. У салымских хантов существует такое определение заболевшего человека как «покойник поймал» (12). Даже такие элементы обряда, которые с первого взгляда могут быть приняты как несомненная помощь покойнику, могут рассматриваться и как защитные меры. Такой двойственный характер погребальной обрядности у угров и самодийцев неоднократно отмечался исследователями.

К. Ф. Карьялайнен так описал отношения между умершими и оставшимися жить у обских угров: «Оставшиеся считают своим долгом заботиться о потребностях умершего, но, с другой стороны, испытывают сильный страх перед мертвыми... Оба эти чувства - любовь и страх - накладывают отпечаток и на обряды по отношению к умершему...» (13).

Вот именно со страхом некоторые исследователи и связывают действия над костными останками захороненных - с обрядом обезвреживания погребенных. В.С.Флеров показал, что бытование этого обряда по всей Восточной Европе не домысел, а обыденное, широко распространенное явление не только в эпоху средневековья, но и в более ранние эпохи. Ученый также предполагает, что не было одного центра, из которого обряд обезвреживания погребенных распространился столь широко, а, как явление стадияльное, он возникал в каждой этнической общности самостоятельно и через этот обряд прошли если не все, то

большинство народов (14).

Потчевашцы не были исключением и тоже обезвреживали умерших, только, в отличие от жителей Восточной Европы, им не приходилось для этого раскапывать могилы, т. к. воздушные захоронения позволяли им сделать это до момента окончательного погребения. Результатом воздушного погребения являлось своеобразное расчленение тела, проявлявшееся в перемещении сохранившихся, лишенных мягких тканей, костей в землю с частичным или полным нарушением их анатомического порядка.

Здесь интересно вспомнить об обычае у самодийцев и обских угров давать умершему предметы в поврежденном состоянии: кинжал, наконечники стрел ломаются, на топоре делают ножом насечку или зарубину, в горшке или котле - отверстие, с деревянной утвари срезают стружку, с одежды - клочок ткани, нарты ломаются и т. д. (15), то есть вещь нужно лишить формы для ее перехода в пространство смерти. Вполне логично предположить, что в древности по такой же смысловой схеме могли обращаться и с телами умерших. Эту мысль могут дополнить строки: "...для человека природы не существует резкого различия между людьми и остальными созданиями, ... наблюдения над собой и другими людьми ... применяются относительно окружающей природы" (16).

Логично предположить, что и кремация (Окуневский могильник - 3) могла производиться после воздушного погребения. Косвенным подтверждением этому служит отмеченный В. А. Могильниковым малый объем жженных остатков на этом могильнике, который ученым был объяснен тем, что в могилу помещали только часть кремированных останков (17). Но если изначально сжигались не все кости, к тому же лишенные мягких тканей и одежды, то картина будет уже другой. К тому же с данным предположением перекликается описанный Г. И. Пелих селькупский ритуал захоронения на дереве с последующим сожжением, а также обряд, в котором прослеживается перенесение действий с покойником на куклу: после смерти человека делают куклу, которую сначала хранят дома, затем подвешивают в тайге на дерево, а через некоторое время сжигают. Но, к сожалению, на данном этапе вторичность обряда не может быть зафиксирована археологически.

В костных останках двух погребенных с городища Долговское 1 видны явные "пробелы", которые нельзя объяснить плохой сохранностью костного материала: детское захоронение Б из погребения № 2 представлено одним черепом, а у взрослой особи (костяк В, погр. № 2) наоборот - череп отсутствует. Захоронение отдельно голов или умерших без голов - черта, известная в Западной Сибири с позднего палеолита. В. В. Седовым этот феномен прослежен на обширных территориях расселения финно-угров и связывается исследователем с анимистическими представлениями у носителей этого этноса (18).

Этнографические материалы подтверждают это. Например, селькупы отрезали голову у шаманов и людей, умерших насильственной смертью, и хоронили ее отдельно (19). Предания хантов и селькупов гласят о том, что обычно головы отрубали тем, кто был связан с нечистой силой (20).

Коллективный характер погребения 2, где присутствуют разновозрастные особи, наличие как прекрасно сохранившегося костяка, так и погребенных по вторичному обряду, разная степень сохранности костяков позволяет предположить, что потчевашцы, перед тем как окончательно покинуть городище, в одном из жилищ захоронили всех умерших, еще не похороненных на родовом могильнике. При этом часть из них умерла задолго до ухода на другое место. Эти умершие, скорее всего, находились какой-то отрезок времени подвешенными на дерево или уложенными на помост.

Наличие вторичных погребений на городище Долговское 1 заставляет в дальнейшем особенно внимательно относиться к исследованию потчевашских могильников, стараясь зафиксировать мельчайшие детали расположения погребенных, чтобы с уверенно ответить на вопрос: имеем ли мы дело со вторичным обрядом погребения или нарушение анатомического порядка костей есть результат действия грызунов или грабителей.

1. Адамов А. А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары. Материалы 1 Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири". Тобольск, 1998.
2. Могильников В. А. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Табл. LXXVII, рис. 46.
3. Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачевский могильник на р. Ишим - памятник потчевашской культуры 6 - 8 вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 119-133.
4. Могильников В. А., Коников Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. - № 1, 1983. С. 162-181.
5. Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Этнокультурная история Барабы в средние века // Бараба в Тюркское время. Новосибирск, 1988. С. 164.
6. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 49.
7. Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск, 1997. С. 108.
8. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров. // ТИЭ. Т. 51, 1959. С. 154.

9. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.72-73.
10. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров... С. 154.
11. Зенько А. П. Представления о сверхестественном в традиционном мировоззрении обских угров... С.72-77.
12. Федорова Е. Г. Погребальный обряд. // Салымский край. Екатеринбург. 2000. С. 226.
13. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 1. Томск, 1994. С.75
14. Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V - VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. Москва, 2000. С.8, 88.
15. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов...С.112
16. Там же. С.32
17. Могильников В. А. Потчевашская культура... С.186.
18. Молодин В. И. Этногенез // Истрия и культура хантов. Томск, 1995. С.23.
19. Пелих Г. И. Происхождение селькупов... С.115-117.
20. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С.237-240.

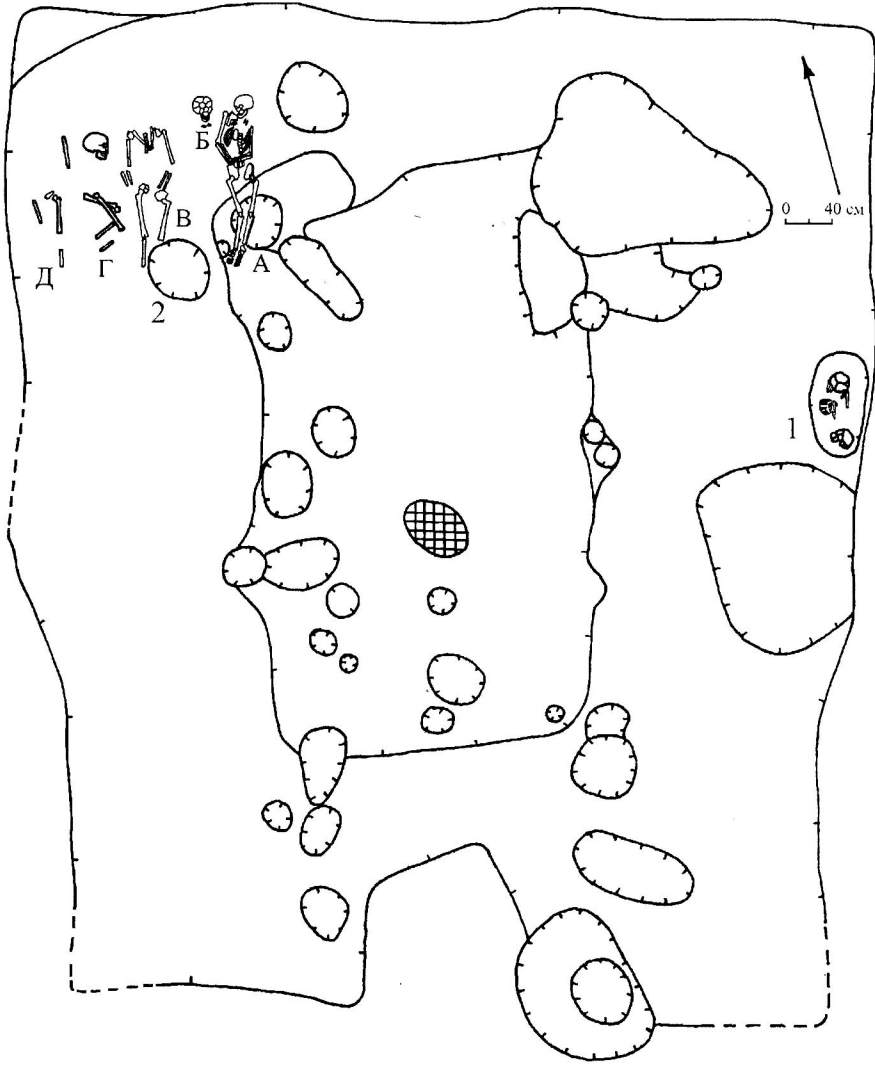

Рис.1. План жилища № 2

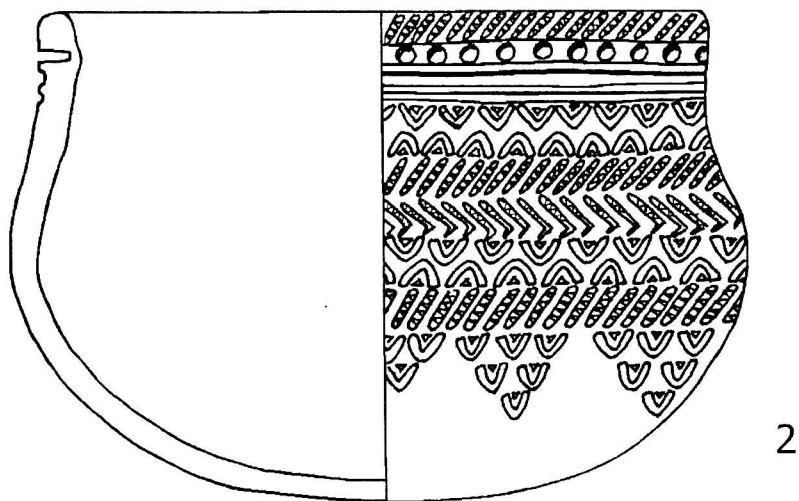
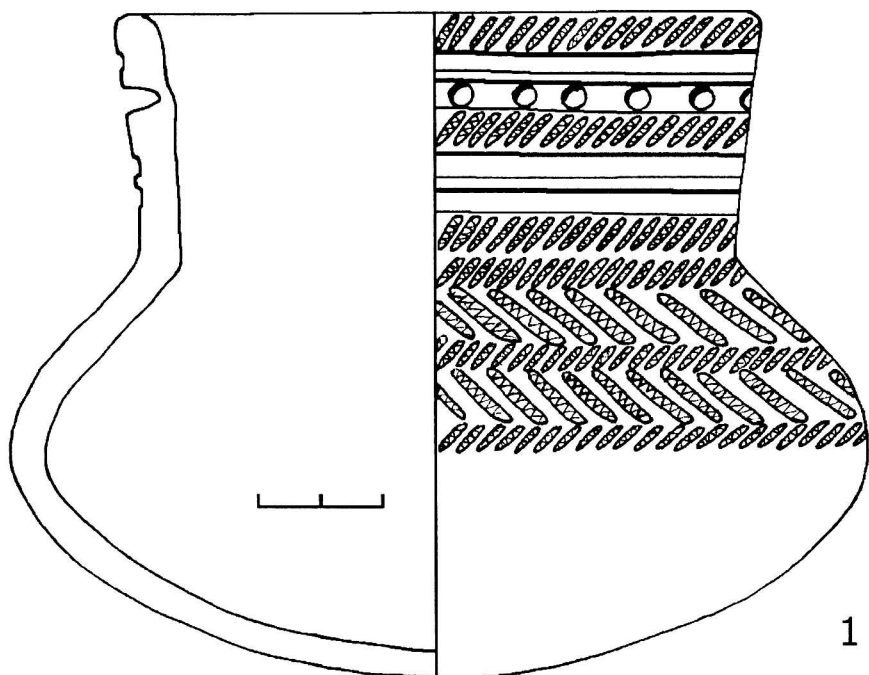

Рис. 2. Керамические сосуды из погребения 1

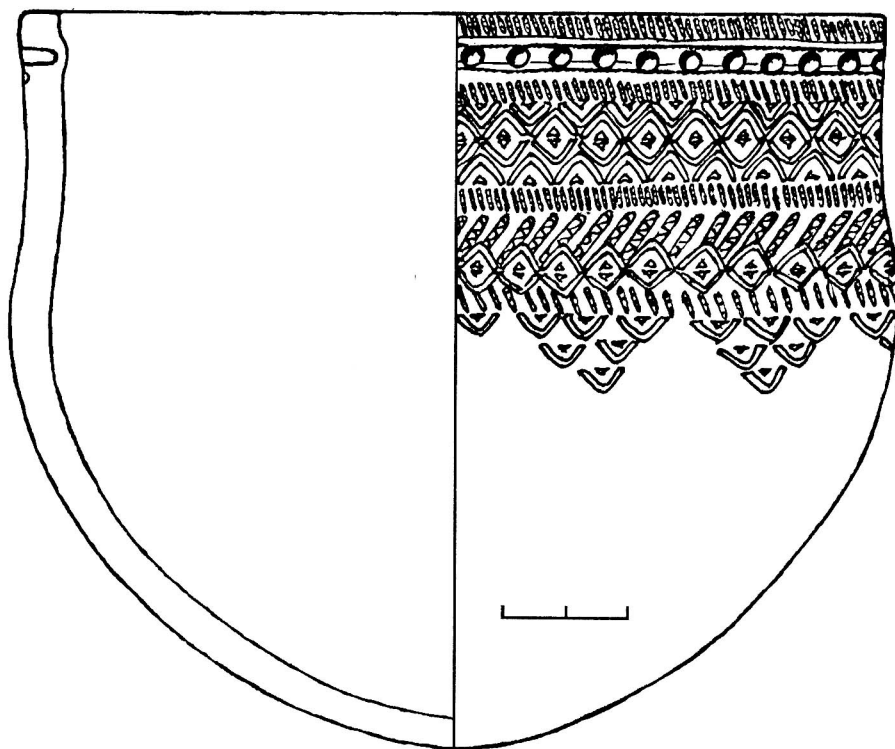

Рис. 3. Керамический сосуд из жилища №1